

Детский дневник А.А. Половцова

Андрей Мамонов

A.A. Polovtsov's child diaries

Andrey Mamonov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences)

Как это ни парадоксально, дневник А.А. Половцова (1832–1909) принадлежит к числу наиболее известных, сравнительно хорошо сохранившихся и вместе с тем мало изученных мемуарных памятников XIX в. Хронологически только сохранившиеся записи, сделанные уже в зрелом возрасте, охватывают около полувека (декабрь 1859 г. – январь 1909 г.), что сопоставимо, пожалуй, лишь с дневниками А.В. Никитенко (1826–1877) и А.А. Киреева (1861–1910). При этом содержание половцовских «журналов» представляет исключительную ценность благодаря редкой осведомлённости и наблюдательности их автора, имевшего, если можно так выразиться, особый вкус к истории своего времени и систематически (и к тому же фактографически точно) записывавшего не только собственные впечатления, оставшиеся от тех или иных людей и событий, но и рассказы многочисленных знакомых, влиявших на ход правительственной политики или знавших о том, кем и как она формировалась. Кроме того, записи, регулярно делавшиеся на протяжении нескольких десятилетий, раскрывают становление и эволюцию взглядов столичного чиновника (постепенно занимающего всё более высокие посты) от отмены крепостного права до столыпинских реформ.

Между тем сам объём дневника, а также пестрота и богатство собранных в нём сведений стали препятствием для его целостного изучения и публикации. До сих пор он издан лишь наполовину, хотя отдельные его фрагменты начали печатать ещё в 1920–1930-е гг. в «Красном архиве», где они появились с большими пропусками и существенными искажениями текста¹. В 1966 г. П.А. Зайончковскому удалось выпустить дневник А.А. Половцова 1883–1892 гг. (за тот период, когда он занимал должность государственного секретаря)². Именно это, ставшее классическим, издание познакомило с мемуарным наследием Половцова широкий круг исследователей русской истории, преподавателей и студентов. Однако лишь в 2014 г. читателям, благодаря О.Ю. Голечковой, стала доступна полноценная научная публикация половцовских дневников 1893–1909 гг.³ Более ранние записи пока не только не издавались (за исключением

© 2015 г. А.В. Мамонов

¹ Красный архив. 1923. Т. 3. С. 75–172; Т. 4. С. 63–128; 1929. Т. 2. С. 170–203; 1931. Т. 3. С. 110–132; 1933. Т. 1. С. 144–148; Т. 4. С. 82–109; 1934. Т. 6. С. 168–186. Подробнее см.: Голечкова О.Ю. Дневник А.А. Половцова (1893–1909 гг.): историко-археологические и археографические проблемы реконструкции // Российская история. 2010. № 6.

² См. также рецензию Л.Г. Захаровой: Вопросы истории. 1968. № 5. В 2005 г. двухтомник был практически без изменений перепечатан издательством «Центрполиграф».

³ Половцов А.А. Дневник 1893–1909. СПб., 2014. Вместе с тем следует отметить, что даже издания П.А. Зайончковского и О.Ю. Голечковой содержат небольшие пропуски, связанные с разбросанностью текстов по разным тетрадам. В первом случае оказались пропущены отдельные записи за май–июнь 1888 г. (они воспроизведены в приложениях к книге Голечковой), во втором – за февраль, апрель и май 1900 г. (ГА РФ, ф. 583, оп. 1, д. 7, л. 111–129).

нескольких отрывков 1871, 1877–1878 и 1881 г., напечатанных в «Красном архиве»), но и крайне редко используются историками.

Детские же «журналы» А.А. Половцова 1837–1838 и 1843 гг. и вовсе практически нигде, кроме архивных описей, не упоминаются. С одной стороны, это вполне естественно, поскольку в них нет ничего из того, что обычно привлекает учёных в его позднейших дневниках – ни бесед с императорами, великими князьями, министрами и дипломатами, ни хлётских характеристик и широких обобщений, ни описаний деятельности правительственных учреждений. С другой стороны, это совершенно уникальный документ, не имеющий, похоже, аналогов в бумагах чиновников XIX в. Именно он даёт редчайшую возможность увидеть, как с детских лет формировалось мировосприятие будущего государственного деятеля, а также показывает, как впервые осваивал жанр ведения дневника человек, который впоследствии будет вести его всю жизнь.

Самый первый «Журнал Саши Половцова», начатый 30 декабря 1837 г., охватывает только 4 месяца⁴. Его автору пять с половиной лет, и он ещё плохо умеет писать. Поэтому записи делает его мать – Аграфена Фёдоровна Половцова (урождённая Татищева). Но это отнюдь не дневник матери о сыне – все записи составлены от имени мальчика и явно вместе с ним и при его посильном участии. Более того, по его инициативе, скорее всего, умело вызванной взрослыми. Дневник открывается словами: «Саша просит маменьку завести журнал, и маменька, чтоб ему сделать удовольствие, садится и пишет»⁵. Разумеется, записи носят прежде всего воспитательный характер и направлены на осмысление и своего рода проговаривание случившегося за день: «Когда Саша вырастет большой, этот журнал будет ему драгоценный памятник его детства, а теперь, я надеюсь, что он ему будет полезен тем, что он верно в течение дня не сделает ничего дурного, в опасении, чтоб проступок его не занёсся в журнал. Ну, что же мы сегодня делали». Любопытно, что эта же запись, начатая обращением матери к сыну, завершается уже от его лица: «Папенька уехал, и милая маменька нам толковала картинки»⁶.

По своей форме и содержанию фразы дневника предельно просты и адаптированы для детского сознания. Они бывают кратки, но непременно делаются каждый день, даже если говорится лишь то, что «ничего не было замечательного»⁷. В этой регулярности также прослеживается дисциплинирующее начало.

Дневник вводил ребёнка в поток времени и заставлял ощущать его течение. «Маменька нам сказала, что сегодня последний день в году», – отмечено 31 декабря. На следующий день сказано: «Сегодня Новый год»⁸. При этом время представляется не только календарным, распадающимся на дни, месяцы, времена года, но и является частью церковного круга, где есть Масленица с балаганами, пост и говение, Страстная неделя и Светлое Христово Воскресенье⁹. Помимо повседневного ребёнок погружён и в «большое» – историческое время, любуясь гробницей Кутузова, знакомясь с рассказами о Петре Великом, боях под Варной в 1828 г.¹⁰

⁴ ГА РФ, ф. 583, оп. 1, д. 1.

⁵ Там же, л. 2.

⁶ Там же, л. 2–3.

⁷ Там же, л. 8.

⁸ Там же, л. 3–4.

⁹ Там же, л. 19–21, 34.

¹⁰ Там же, л. 6, 30–31, 46.

Ещё более заметно по дневнику, как расширялись представления о пространстве. Обычные прогулки знакомили с центром города – Невский проспект («дошли до Аничкова моста»), Казанский собор, Гороховая, Вознесенский проспект, Летний сад, Марсово поле, дворец, набережная, совершались поездки в Царское Село. Рассказы расширяли горизонт от той же Варны и Кишинёва до Парижа (откуда привозили часы). 19 марта дядя – Виктор Андреевич Половцов, инженер и преподаватель русской словесности (получивший в 1827 г. от Карла X орден Почётного легиона за картографические работы) – «показал мне на географической карте Петербург, Москву, Тверь, Новгород, Варшаву и Финский залив»¹¹. Карта, видимо, произвела на мальчика сильное впечатление, и уже 22 марта в журнале отмечено: «Я с милым папенькой долго рассматривал географическую карту. Я думаю, что учиться географии очень весело»¹². Неудивительно, что 26 марта Саша вновь расспрашивает дядю (с которым занимался французским языком) о стране: «Дядинька мне говорил, что Нева, которая течёт у нас в Петербурге, выходит из Ладогского озера и впадает в Финский залив. Стало быть, Нева соединяет Ладогское озеро с Финским заливом, и сев в лодку на Ладогском озере, можно доехать до Финского залива и далее до Балтийского моря. Петербург столица России, а Варшава – Царства Польского. В Петербурге 13 частей, мне сказал дядинька, и что я живу в лучшей – в 3-й Адмиралтейской»¹³. Месяц спустя, 21 апреля, полученные знания закреплялись: «Дядинька В.А. толковал мне, что такое вервь (т.е. верфь. – А.М.), и говорил, что их в Петербурге три. Он меня учил, как узнавать правый и левый берег рек, говорил, отчего Пётр Великий выбрал для Петербурга место, на котором его построил; он говорил также, что Россия (La Russie) есть страна, что страна есть часть света, а губерния – часть страны»¹⁴.

Несмотря на то, что большая часть времени у пятилетнего ребёнка уходила, естественно, на игры (в солдатиков, лошадки, театр с тенями, мыльные пузыри и проч.), прогулки пешком и в санях, поездки к родственникам и т.д., его учебные и, как сказали бы сейчас, «развивающие» занятия в 1838 г. постепенно увеличивались. Одновременно формировалась и соответствующая мотивация. 17 января, рассказав матери о том, как он «научился делать карточные домики» и построил несколько штук для двоюродных братьев, Саша заключает: «Я нахожу, что заниматься чем-нибудь полезным гораздо веселее, чем играть»¹⁵.

Мальчика приучали к рукоделию, водили на музыкальные концерты, в цирк и зверинец¹⁶. И если после посещения репетиции концерта Мейера в «Энгельгартовой зале» отмечено лишь, что «музыка нам очень понравилась»¹⁷, то «лошадиные скачки» и животные вызывали гораздо более сильные эмоции: «Мне особенно понравились две обезьяны, которые едят сахар и орехи. Огромный единорог тоже привлёк моё внимание. Мы видели ещё разных сортов змей; и все эти звери нам так понравились, что мы не хотели идти домой»¹⁸.

¹¹ Там же, л. 33–34; Русский биографический словарь. Т. 14. СПб., 1905. С. 377–378.

¹² ГА РФ, ф. 583, оп. 1, д. 1, л. 34. Александр Андреевич Половцов состоял тогда в МВД при К.И. Арсеньеве «для составления статистики Российской империи» (Русский биографический словарь. Т. 14. С. 377).

¹³ ГА РФ, ф. 583, оп. 1, д. 1, л. 36–37.

¹⁴ Там же, л. 46. Здесь и далее сохранено правописание подлинника.

¹⁵ Там же, л. 10.

¹⁶ Там же, л. 17–18, 24–27, 44–45.

¹⁷ Там же, л. 27.

¹⁸ Там же, л. 25–26.

Половцов часто читает, как с родителями, так и самостоятельно («сказку о принце Любиме и историю об любопытной женщине», «повесть Ягнёнка» и т.п.¹⁹). Но, видимо, давалось это не просто. «Теперь уже я дочитал две повести, – отмечено в “журнале” 11 февраля, – и завтра начну третью, о 3-х мальчиках. Я теперь читаю гораздо охотнее, чем прежде, и маменька мне говорила, что только начало и трудно»²⁰. С конца февраля начались регулярные занятия французским с дядей. Пройденное на уроке всякий раз отмечалось в дневнике (возможно, он изначально задумывался в том числе и для такого мягкого контроля за усвоением материала).

Большое внимание в семье уделялось религиозному воспитанию. Буквально с первых страниц дневника мать ненавязчиво учила сына молиться и благодарить Бога. Накануне праздника Крещения Господня в доме служилась всенощная с освящением всех комнат²¹. Интерес ребенка к вере всячески поддерживался родителями. «Я просил милую маменьку прочитать мне главу в Евангелии, – записано в журнале 18 января, – и она охотно согласилась. Мы читали главу о Воскресении нашего милосердаго Спасителя. Маменька говорила, что самое полезное чтение есть чтение Евангелия, и я чаще буду её просить со мной читать»²². «Я читал у папеньки Священную историю, – отмечено 29 апреля, – и милой папенька остался мною доволен»²³. В среду перед Пасхой «маменька нам говорила, что теперь Страстная неделя, и рассказывала страдание и смерть, потом воскресение нашего милосердаго Спасителя»²⁴. Как важное событие в дневнике фиксировалось не только собственное причащение Св. Тайн, но и приобщение родственников (а также их говение), посещение церкви²⁵.

При этом религиозные взгляды Половцовых были достаточно широки и терпимы. Так, в Страстную Субботу, приложившись к Плащанице, они, возвращаясь домой, заходили по дороге в костёл²⁶. Видимо, сказывалось и то, что бабушка Половцова (мать Александра Андреевича), урождённая Ю.-Ш.Я. Гиппиус, принадлежала к секте гернгутеров²⁷. Но это отнюдь не мешало православной Аграфене Фёдоровне под Новый год ездить «к Гросс-Маме на молитву»²⁸.

Наряду с пока ещё очень несложными уроками и участием в религиозной жизни ведение «журнала» плавно вводило ребёнка в мир взрослых – с его службой, войной, смертью. Всё это с детских лет становилось частью кругозора русского дворянина. Уже в первой записи дневника – 30 декабря 1837 г. мать «рассказывала анекдот “За Богом молитва, за царём служба не пропадают”»²⁹.

Царь и царская семья не казались для Саши Половцова в 1838 г. чем-то далёким и отвлечённым. Напротив, они были столь же «наглядны», как и перспективы будущей службы. «Ехав кататься, – говорилось в “журнале” 4 февраля, я встретил на лестнице бабушку А.В. (Александрю Васильевну

¹⁹ Там же, л. 7, 19–20, 44–45.

²⁰ Там же, л. 20.

²¹ Там же, л. 3–6.

²² Там же, л. 11.

²³ Там же, л. 48.

²⁴ Там же, л. 38.

²⁵ Там же, л. 21, 30–31, 37, 42.

²⁶ Там же, л. 39.

²⁷ Мемуары графа С.Д. Шереметева. Т. 1. М., 2004. С. 280–281.

²⁸ ГА РФ, ф. 583, оп. 1, д. 1, л. 3–4.

²⁹ Там же, л. 3.

Татищеву. – А.М.) и тётишку Полю (видимо, Аполлинарию Николаевну Татищеву – двоюродную сестру Аграфены Фёдоровны Половцовой. – А.М.), а катаясь – Государя с Государыней, в санях на серой лошади. Я очень озяб»³⁰. Характерно, что встреча с императором была столь же естественной, как с родственниками на лестнице, а его лошади уделялось не меньше внимания, чем самим царствующим особам. Вместе с тем это, конечно, всё же являлось событием, хотя и не требовавшим никакого верноподданнически назидательного комментария. Подобные эпизоды отмечались в дневнике не единожды: 10 марта, «гуляя, встретили в[ел]. к[н]. Константина Н[иколаевича]» (ему тогда было 10 лет), 11 марта «любовались смотром, который делал Государь войскам на Невском», 12 апреля в Летнем саду «встретили Государыню с двумя маленькими великими князьями» (погодками Николаем и Михаилом Николаевичами – практически ровесниками Саши) и т.д.³¹

Ребёнок с детских лет знал, кому, где и как будет служить. В 5 лет Половцов пресерьёзно заявлял, встретив на прогулке с няней «очень много солдат»: «Хотя я буду служить в статской службе, военные мне очень нравятся»³². 30 января, катаясь в санях, он видел «место папенькиного присутствия», в апреле вместе с дядей Виктором Андреевичем осматривал Адмиралтейство и корабельные модели³³. Конечно, представления о «службе» в столь раннем возрасте не могли не быть более чем смутными, но они шаг за шагом усваивались и разъяснялись. Так, 28 января в «журнале», помимо прочего, сказано: «Сегодня дядинька С[пиридон] Ф[ёдорович] спрашивал у меня, который я номер, и я ему отвечал, что я не номер, а человек, и А[ркадий] Н[иколаевич] (Мазовский. – А.М.) етому очень смеялся»³⁴. Делая запись, мать, скорее всего, объяснила, что означал вопрос и чем так развеселил гостей ответ мальчика, разумеется, ещё не знавшего о номерах, ставившихся в Списках по старшинству после фамилий членов одной семьи, поступивших на государственную службу (к примеру, Тучков 1-й, Тучков 4-й и т.п.).

К будущей службе готовила вся окружающая обстановка, имевшая отчётливый и по-своему весьма привлекательный милитаристский оттенок. Пятилетний ребёнок, с удовольствием игравший в солдатиков и листавший французскую книжку, в которой были «изображены дети, занимающиеся военными играми»³⁵, явно различал не только роды войск, но и отдельные гвардейские полки. 2 января в его дневнике мимоходом отмечено: «Я видел, катаясь, кавалергардов»³⁶. 13 апреля, по дороге к бабушке, «мы видели ученье на конно-гвардейском плацу»; 16 апреля, «гуляя в саду, мы любовались ученьем конной гвардии на Царицыном лугу» и «ето было очень весело»³⁷. Наконец, 23 апреля «мы имели большое удовольствие, смотрели парад. Ето зрелище нам очень понравилось»³⁸. Несколько дней спустя двоюродный брат кадет Мишель (М.В. Половцов), играя, произвёл Сашу «в унтер-офицеры»³⁹.

³⁰ Там же, л. 18.

³¹ Там же, л. 31, 43.

³² Там же, л. 29.

³³ Там же, л. 16, 40–41.

³⁴ Там же, л. 15.

³⁵ Там же, л. 17.

³⁶ Там же, л. 5.

³⁷ Там же, л. 43–44.

³⁸ Там же, л. 47.

³⁹ Там же, л. 48.

Впрочем, от ребёнка отнюдь не скрывали, что армейская жизнь имеет не только красочную «парадную» сторону. «Мы сегодня играли целый вечер с милым папенькой, – говорилось в “журнале” 6 января. – Он нам рассказывал, как под Варной изрубили егерский полк, и как он со своей ротой зарывал тела». Сообщалось всё это, видимо, в такой тональности, которая не должна была потрясти детскую психику. Во всяком случае, заканчивалась запись словами: «Нам с папенькой было очень приятно»⁴⁰. Смерть к тому же встречалась не только в рассказах о минувшей войне, но и буквально по пути. 29 января, впервые после долгой и тяжёлой болезни катаясь «на серой лошади», Саша «встретил богатые военные похороны»⁴¹.

Само собою, в повседневности дети сталкивались не только и не столько с обязанностями и трагедиями взрослых, но и с их бытом, одеждой («очень забавно надевать дядинькин фрак и в нём бегать», «долго играл в дядинькиной шляпе»⁴²), музыкой, литературой, развлечениями. Так, 12 февраля Саша «долго смотрел на играющих в вист»⁴³. 17 января «дядинька С[пиридон] Ф[ёдорович] говорил нам прекрасные стихи из Чернеца и из Онегина»⁴⁴. Сильное впечатление произвела, похоже, встреча отца и тёти на Царскосельском вокзале: «Мы долго их ожидали с маменькой, и любовались, когда они приехали огромными экипажами, которые летают по железным полосам»⁴⁵.

В целом мир взрослых выглядел в «журнале» открытым, доброжелательным и заманчивым. Половцов рос в самом тесном, буквально ежедневном, общении с родителями и многочисленными родственниками всех поколений, включая его сверстников. В этой среде формировались его первые представления, а дневник, составлявшийся вместе с матерью, учил выражать и формулировать эти впечатления. Воспитанию чувств в нём уделялось едва ли не основное внимание. Особое значение при этом придавалось тому, чтобы ребёнок, несмотря на частые подарки и постоянную заботу старших, не воспринимал себя центром семьи. Напротив, детям твёрдо внушалось, что их главная задача – «радовать сердца наших милых родителей», «веселить» их и «благоговеть» перед ними⁴⁶. Их учили молиться: «Боже, сохрани нас всех для счастья и утешения наших милых родителей»⁴⁷. У них формировалась привычка ценить любые знаки внимания со стороны взрослых, будь то «прекрасное яблоко», неожиданный визит или проявленный к чему-либо интерес.

Чувства постоянной благодарности и радости от общения с родными высказывались при этом порою чрезмерно выпренно и даже несколько аффектированно. Так, о приезде дяди Виктора Андреевича говорится: «Я был неописано рад его видеть, и сердечно желаю иметь чаще его удовольствие»⁴⁸. Визиты старших родственников описываются ещё экспрессивнее: «Утром пришла добрая бабушка А[лександра] В[асильевна] с гостинцами кренделями, и к довершению моего удовольствия приехала бесценная gross-мама; но только посидела час, и обещала скоро приехать на целый день с Колей»⁴⁹. Иногда даже невольно соз-

⁴⁰ Там же, л. 6.

⁴¹ Там же, л. 15.

⁴² Там же, л. 9, 16.

⁴³ Там же, л. 21.

⁴⁴ Там же, л. 10.

⁴⁵ Там же, л. 45–46.

⁴⁶ Там же, л. 3–5, 29–30.

⁴⁷ Там же, л. 5–6.

⁴⁸ Там же, л. 13.

⁴⁹ Там же, л. 14.

даётся впечатление, что эмоциональность журнальных записей была обратно пропорциональна тем чувствам, которые в действительности испытывались.

В дневнике настойчиво проговаривалось, как должно относиться к окружающим и вести себя в обществе. Детям следовало уметь самостоятельно проявлять чуткость и владеть светскими манерами. Так, 25 января Саша «писал к Мише письмо, и звал его к себе», 18 апреля «послал письма Коле и Мише» и ожидал от них ответа⁵⁰. Стоило 3 января А.Н. Мазовскому заметить, что пятилетний Саша плохо раскланивается с гостями, как в журнале указывается: «Маменька хочет, чтобы я всякий день учился хорошенько входить. Ей было очень совестно, когда ето говорили»⁵¹. Видимо, ожидалось, что сочувствие к переживаниям матери поможет исправить ситуацию. Вместе с тем выговоры и замечания почти вовсе не встречаются в дневнике. Когда их всё же приходилось делать, они всячески смягчались. 25 марта Аграфена Фёдоровна журила детей за сломанные игрушки и грозила не покупать новые. «Это нас опечалило несколько, – сказано в журнале, – но, придя домой, мы скоро забыли об игрушках. Добрая маменька нам прочитала интересную историйку, и мы снова занялись мыльными пузырями». В другой раз, узнав о приобретении сыном «двух конных офицеров», «маменька удивлялась и была недовольна, что я все свои деньги употребил на игрушку». «Мне самому было очень стыдно», – уверяет автор⁵².

Родители проявляли большую деликатность и старались не допускать психологических травм. Рассказав сыну о страшном землетрясении в Кишинёве, Аграфена Фёдоровна добавляла: «Слава милосердному Богу, что мы здесь не знаем этого бедствия»⁵³. 7 января отец неожиданно подарил Саше «очень хорошенькое кресло». «А вечером, – написано в дневнике, – сказал мне печальное известие, что наш Азор околел. Это меня огорчило до слёз (за 4 месяца это, кажется, был единственный раз, когда он расплакался. – А.М.); но папенька говорил мне, что надо стараться удерживаться плакать, и что в жизни случаются огорчения важнее смерти Азорки»⁵⁴. Желая подбодрить сына, Александр Андреевич несколько дней спустя купил ему ещё 6 понравившихся «хорошеньких кресел»⁵⁵. Умея разделить горе, родители делили с детьми и радости. В частности, отец семейства разучивал с ними стихи ко дню рождения матери, играл при плохой погоде, когда они вынуждены были оставаться дома⁵⁶.

Частью этой большой семьи являлись и домочадцы – няньки, кормилица и др. Судя по дневнику, детей приучали беспокоиться об их здоровье, испытывать к ним привязанность и проявлять уважение и покорность⁵⁷. «Утром я был очень обрадован приездом моей кормилицы, – записано 23 февраля. – Я её совсем не узнал, потому что уже года три, как я её не видел»⁵⁸. Но «очень обрадоваться» это не помешало. Так или иначе в «журнале» нет даже намёка на социальное неравенство между барскими детьми и их постоянными спутниками и помощниками.

⁵⁰ Там же, л. 14, 44–45.

⁵¹ Там же, л. 5.

⁵² Там же, л. 35, 27–28.

⁵³ Там же, л. 28–29.

⁵⁴ Там же, л. 6–7.

⁵⁵ Там же, л. 8.

⁵⁶ Там же, л. 29–30, 32.

⁵⁷ Там же, л. 22, 32.

⁵⁸ Там же, л. 24.

Ведение дневника, несмотря на краткость записей (за которыми, скорее всего, стояли гораздо более подробные беседы), явно оказалось довольно хлопотным делом. Пока семья жила в Петербурге, оно отчасти оправдывалось наблюдением за занятиями Саши, но с переездом в Царское Село они должны были прекратиться. В результате, 30 апреля была сделана последняя запись: «Маменька говорит, что она оставляет продолжение этого журнала до возвращения из Царского Села, что, я думаю, будет не ранее 1-го сентября». После этого Аграфена Фёдоровна, кажется, не без облегчения написала: «Конец»⁵⁹.

Был ли продолжен «журнал» по возвращении из Царского Села – неизвестно. Сохранился ещё один детский дневник А.А. Половцова, но он относится уже к 1843 г. Он также охватывает 4 месяца (с января по апрель), но по существу это, конечно, совершенно другой документ. Бросаются в глаза даже внешние отличия: «журнал» ведётся теперь не в аккуратной маленькой записной книжке, а в довольно грубых клеёнчатых тетрадях. Пишет его уже сам Половцов, которому исполнилось к этому времени десять с половиной лет. Неровным детским почерком он заносил в «журнал» как записи о событиях дня, так и заданные дядей упражнения по грамматике⁶⁰.

Собственно ведение «журнала» в 1843 г. являлось уже не исполнением желания мальчика, а учебным заданием, которое проверялось и оценивалось наряду с другими уроками. Вместе со своими братьями А.А. Половцов занимался тогда с частными учителями, преподававшими Закон Божий, историю, географию, физику, математику, космографию, каллиграфию, латинский, немецкий и французский языки. Руководил образованием отец, еженедельно выдававший денежную «награду» тем, кто получал высокие баллы (с конца февраля он же давал «урок религии»). Ему активно помогал дядя Виктор Андреевич, лично преподававший грамматику и литературу, а также просматривавший «журналы», исправляя в них неудачные выражения и регулярно оставляя свои пометки: «Каллиграфически – не жать пера. Орфографически удовлетворительно и содержанием я доволен» и т.п.⁶¹

Таким образом, журнал сохранил «диалогический» характер, но если раньше он составлялся вместе с матерью, то теперь был обращён к дяде и отцу (Аграфена Фёдоровна в нём лишь изредка упоминалась). Записи, как правило, делались сухо и обрывочно, стилистически они достаточно неуклюжи, хотя в них уже чувствуется характерный впоследствии для Половцова резкий и самоуверенный тон.

Основное внимание в журнале уделяется ходу занятий, успеваемости, чтению, играм (шашки, шахматы, бильярд, шары, лото, мыльные пузыри и проч.). Любопытно, что священник, рассказывавший о Священной истории, сам говорил, какие именно мысли нужно «записать в журнале»⁶². Кроме того, с 10 января в «журнале» появляются по-детски наивные аллегорические рассуждения. «После завтрака мы пускали мыльные пузыри, – пишет Половцов 18 января, – я сравнивал их с жизнью человека: один долго держится, но всё-таки на каждом шагу того и смотри, что лопнет, как человек долго живёт, но всё-таки каждую минуту может умереть, другие поразноцветнее, это кто побогаче да

⁵⁹ Там же, л. 48–49.

⁶⁰ Там же, д. 2.

⁶¹ Там же, тетр. 2, л. 12.

⁶² Там же, тетр. 1, л. 7.

кому хорошо»⁶³. В.А. Половцову, судя по его пометкам, подобные «сравнения» нравились, и он старался их поощрять, желая придать «журналу» племянника более живой вид⁶⁴. В результате, уже 10 марта Саша решил, что если он «никаких замечаний, ни сравнений не сделал», «а без них журнал не хорош, то лучше его не писать»⁶⁵. А 23 марта и сам Виктор Андреевич, ранее требовавший подробностей, «сказал, чтобы надо писать журнал короче, потому что теперь мы будем писать только главное в дне»⁶⁶. С начала апреля записи становятся всё реже и в них всё чаще говорится о том, что нужно вести дневник аккуратнее⁶⁷. После 19 апреля они прекращаются вовсе.

В «журнале» 1843 г. регулярно отмечалось посещение церкви (как и пропущенные службы)⁶⁸. Видимо, в детстве Половцов был достаточно религиозен (в зрелые годы Церковь становилась ему всё более чужда). Во всяком случае даже свои неудачи при изучении французского языка он не раз объяснял тем, что преподаватель г-н Абри «с нами перед классом не молится, как прочие учителя». Дядя даже вынужден был приписать на полях: «Не осуждай, не осужден будешь»⁶⁹. При этом религиозность уже сочеталась у А.А. Половцова с просвещенческим пафосом. «Ежели бы старинные цари, – писал он 8–9 февраля, – употребляли свои богатства для поощрения наук, а не для того, чтобы строить монументы для собственной славы, то мы были бы ещё просвещённые и более бы им были благодарны, чем за бесполезные памятники»⁷⁰. Ему явно импонировали Екатерина II, М.В. Ломоносов⁷¹.

Ярко проявлялись в «журнале» и патриотические симпатии мальчика. «Там мне понравилось, – рассказывал он 14 февраля о посещении детского театра, – когда играли “Боже, царя храни” и были выставлены шифры Государя и Государыни, а не понравилось портрет Наполеона (так в тексте. – А.М.) так, что я отвернулся, чтобы его не видеть»⁷². Разглядывая 20 февраля в Петербурге панораму Парижа, он «заметил, что между французскими солдатами не столько дисциплины, как между русскими»⁷³. Судя по вопросительному знаку на полях, такое наблюдение дядю даже озадачило. С особым пиететом говорилось в «журнале» о тех случаях, когда «мы... имели счастье хоть издалека видеть государя императора Николая Павловича»⁷⁴. Намерение Саши стать чиновником оставалось неизменным, и он резко (а по мнению дяди, «неделикатно») осуждал братьев, говоривших, будто «даже в мирное время военная служба гораздо лучше статской, и что статская очень дурна»⁷⁵. Любопытны также фразы, составленные им самим в конце марта 1843 г. для склонения местоимений, заданного дядей. Среди них, помимо совершенно нейтральных («он их увидит», «его не видно» и т.п.) или связанных с учёбой («я учусь прилежно», «тебя наградят за

⁶³ Там же, л. 9.

⁶⁴ Там же, л. 11.

⁶⁵ Там же, тетр. 3, л. 2.

⁶⁶ Там же, л. 7–8.

⁶⁷ Там же, л. 10–12.

⁶⁸ Там же, тетр. 1, л. 3, 6, 10; тетр. 2, л. 7–8, 12; тетр. 3, л. 10–12.

⁶⁹ Там же, тетр. 2, л. 12; тетр. 3, л. 5.

⁷⁰ Там же, тетр. 2, л. 2–3. Дяде это было, по-видимому, близко. «Дело, дело!», – отметил он на полях.

⁷¹ Там же, л. 9–11.

⁷² Там же, л. 7–8.

⁷³ Там же, л. 10–11.

⁷⁴ Там же, тетр. 2, л. 10–11; тетр. 3, л. 4–5.

⁷⁵ Там же, тетр. 3, л. 12.

учение», «вы любите науку» и т.д.), было немало таких, которые отражали религиозные и историко-политические представления и увлечения десятилетнего мальчика: «Бог дал мне способности», «Иисус Христос молился о нас», «о них молятся за обедней», «на тебе много орденов», «с ними Государь», «им основан С.-Петербург», «она была жена великого Петра I», «её любил народ», «с нею вёл войну Фридрих», «о ней говорила Европа», «её генералы знамениты», «они побеждены Суворовым» и проч. В этот ряд попало и выражение, которое будет впоследствии иметь большое значение в судьбе А.А. Половцова: «Нас определят в Училище правоведения»⁷⁶.

Детский дневник А.А. Половцова свидетельствует о влиянии традиционного (и в чём-то патриархального) воспитания на становление мировосприятия и самосознания будущего государственного деятеля. Насколько это влияние было длительным и прочным? Ведь уже в конце 1850-х гг. Половцов, рассуждая о судьбе своего дяди С.Ф. Татищева, даёт остро критическую характеристику той среды и обстановки, в которой некогда рос⁷⁷. Безусловно, опыт детски наивного усвоения и переживания ценностей николаевской России впоследствии корректировался и во многом до неузнаваемости переосмысливался под воздействием различных идеологических и литературных веяний. Однако этот опыт был и полностью исчезнуть едва ли мог. Причём сама возможность подобного опыта – глубоко личного и непосредственного – лишней раз указывает на то, что известные начала уваровской триады отнюдь не являлись некоей надуманной конструкцией, искусственно перенесённой и привитой русскому обществу. Напротив, они были для него вполне естественны и привычны.

⁷⁶ Там же, л. 7–9.

⁷⁷ Там же, д. 3, с. 12–17.